

Пушкин
А.С.

С. 6. 95.

Каторга и свобода Александра Пушкина

Ком. правда. - 1995. - 6 июня. - с. 1-2.
Сегодня - день рождения великого поэта

На земле есть места, которые мы называем пушкинскими. Они есть в Москве, Петербурге, Оренбурге, Тбилиси, Одессе, Кишиневе... До многих из этих мест добраться теперь нелегко. Но пушкинские места есть еще и в нашей душе. Отнять их у нас так же невозможно, как представить, что Пушкин родился в декабре.

По пушкинским местам нашей памяти я предлагаю вам отправиться вместе с Симоном Львовичем Соловейчиком - писателем, педагогом, ученым. В шестидесятые годы он работал в "Комсомолке" и придумал "Алый парус", который до сих пор плывет по нашим страницам. Три года назад Соловейчик придумал га-

зету "Первое сентября" и стал ее главным редактором. Весной в этой и без того необычной газете появилась рубрика "Пушкинская проповедь перед уроком".

Названия проповедей просты и будто знакомы, но есть в них что-то долгожданное. Словно давно-давно мы ждали, чтобы кто-то поговорил с нами об этом - о самом простом и важном. "О чистоте души", "О косой зависти", "О гонениях судьбы", "О гордом самолюбии", "О народном признании" и тут же почему-то "О Купидоне".

Наша вечерняя беседа началась с того, что Симон

(Окончание на 2-й стр.).

Каторга и свобода Александра Пушкина

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Львович бережно достал из стола толстый синий том со стершимся уже тисненным названием.

... Этот том отец подарил мне к окончанию университета, в пятьдесят третьем году. Здесь весь Пушкин, абсолютно весь. Говорят, Молотову кто-то из англичан такого Байрона подарил - всего Байрона в одном томе. И тогда наши издали Пушкина таким же убогим шрифтом, Цявловский составил. Этот том обладает замечательным свойством: в нем нет комментариев. Пушкин есть, а комментарии нет. Как только начинаешь читать комментарии и тебе строго объясняют, что Боливар - это то, а Бульвар - другое и что письмо к такой-то впервые опубликовано тогда-то... Все пропадает!

- А ваши "Пушкинские проповеди"? Разве это не комментарий к Пушкину, не толкование его? И слово такое громоздкое и странное для газеты - "проповедь"...

- Я не хочу ничего объяснять, толковать, нет... Я хочу узнавать. А что касается слова "проповедь", то, должен сказать, оно связано с "Комсомольской правдой" тайным образом. Когда меня впервые в жизни ввели в кабинет тогдашнего главного редактора "Комсомолки" Аджубея, я увидел на стене какие-то листы с черными каймами, это были завтрашние газетные полосы, которых я до того никогда не видел. И я решил, что кто-то умер. Но оказалось, что никто не умер. На одной такой загоной полосе крупно стояло "Проповедь", и Аджубей с гордостью сказал: начинаем печатать проповеди. Но они так и не появились в "Комсомолке". Не знаю до сих пор, что там было в этих проповедях и почему они не вышли, но слово осталось и догадка о том, что это страшно интересно. И вот как-то в один день придумалось - "Пушкинская проповедь".

- Мне кажется, при слове "проповедь" мы чаще вспоминаем Льва Николаевича Толстого...

- Дело в том, что догадка о Пушкине посетила меня много лет назад, когда я писал

книгу "Педагогика для всех". Я заперся в Ленинской библиотеке на три года и писал книгу, которая была тогда никому не нужна. Ее издали только через семнадцать лет. Я сильно бедствовал в те годы, потому что я роскошествовал. Кто может позволить себе в середине жизни запереться в читальном зале и перечитывать все книги по педагогике?.. Именно тогда, когда я продумал все про воспитание детей, у меня возникла мысль: у всех моих советов должно быть какое-то моральное основание. И когда книга уже была написана, я понял, что таким моральным основанием может быть Пушкин. У него все абсолютно точно с нравственной точки зрения. Только не надо искать там заповедей. Достаточно вдуматься в сочетания слов.

"Для сердца нужно верить..." Боже мой, почему "нужно"?.. Не просто: вот надо верить, а для сердца надо верить. Сердце не может жить без веры, оно умирает.

Я прочитал миллион книг о воспитании, о психологии личности и увидел, что у Пушкина все научно точно.

- Я ехал к вам на электричке, заглядывал в "Евгения Онегина" и тоже думал: как интересно Пушкина читать медленно. Почти по слогам, по сочетаниям. Находить фразу, которую ты всегда пропускал мимо, и жить с ней хотя бы полчаса. Упоительное занятие... "Прелесть важной простоты..." - это я сейчас нашел в "Евгении Онегине". Будто Пушкин обронил, а я подобрал...

- Какая экономия слов! "Прелесть простоты" - уже хорошо, но ты представь себе - "важная простота"!.. Это просто море. Там любые два слова - море. Каждый раз, когда я открываю том, находится то, чего я не читал. Я всегда откуда-то слышу строчки, которые я не знаю, откуда они. Встанешь утром и несколько строчек из Пушкина сопровождают тебя. Недавно я шел на работу, и пришел, и там происходят какие-то дела, а я все время помню пушкинские строчки и повторяю их, и жуткий страх: Пушкина-то у меня нет с собой, а я вот-вот забуду строчку. Самое радостное - встречать у Пушкина знакомое. Я ретроград, я люблю знакомое.

Маленький Пушкин на руках матери. Рис. Нади РУШЕВОЙ.

- Перечитывать, передумывать...

- Это мне больше дает. Это же как знакомые люди - они же интереснее, чем те, которых видишь в первый раз. И потом они безопасны. Пушкин безопасный. Я точно знаю, что у него я не встречу ничего, что меня покоробит, обидит, заставит что-то такое подумать. Даже все эти брошенные отрывки... Я очень люблю его неоконченные вещи. Вот пишет-пишет стихотворение, но одного слова не нашлось. Буквально одного. И - бросил. Так и оставил. И не стал даже думать о нем.

- Наша тяга к Пушкину какая-то особенная. Мы тянемся к нему, как заблудившегося человека тянет домой. Мы ищем у него не свободомыслия и даже не красоты, а гармонии, целостности, порядка в мыслях.

- Пушкин писал фантастически точно. А точность - это ярмо, каторга. Это значит: ничего не дозволено. Ты имеешь право только на одно слово, но твоё. И в этом - великая воля. В каждом точном слове - каторга и свобода.

Что бы человек ни делал - седло, подметки, газету, что угодно, - если при этом случаются минуты творчества, то человек свободен, но только в эти минуты, только там. И никаким другим способом. Нес-

"Май, 26-го (6 июня по новому стилю), 1799 года. Четверг. Церковный праздник Вознесение. Москва. Рождение

Пушкина в семье отставного майора Сергея Львовича Пушкина и жены его Надежды Осиповны, урожденной Ганибал. Запись в метрической книге церкви Богоявления в Елохове: "...во дворе коллежского регистратора Ивана Васильевича Сковорода у жилья его мазора Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр, крещен июня 8 дня, восприемник - граф Артемий Иванович Воронцов, кума - мать означенного Сергея Пушкина..."

Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина.

вободы могут быть разными, а свобода - только творческой.

Пушкин отвечает нашему чувству свободы. Хотя сам он был в жизни страшно несвободным человеком. Цензура, в ссылке полжизни, за границу не мог поехать... Еще в семидесятых годах, когда один знакомый жаловался мне на притеснения советской власти, я спросил его: "Ты женился?" - "Женился". - "А ты спрашивал разрешения у начальства?" - "Нет, конечно". А в пушкинские времена, говорю, надо было спрашивать. И Пушкин спрашивал, но был действительно свободен, как никто.

- Перечитывая недавно "Повести Белкина", я вдруг сделал для себя маленькое открытие: мы живем еще в пушкинскую эпоху. Нам понятны все слова и, главное, все, что между этих слов, за ними. Пушкин не нуждается в переводе, как наши древние летописи, и до тех пор, пока не нуждается, - мы современники ему.

- Изменились отношения, традиции, могут устареть и слова, понятия, но чувства - все те же, вот что важнее! Дуэлянт в каждом из нас живет. Каждый хоть раз хотел кого-нибудь вызвать на дуэль, но - запрещено или нет возможности. Я знаю историю, когда мальчишки устроили дуэль на мотоциклах - гнали навстречу друг другу...

Эти чувства исследованы Пушкиным, нечаянно исследованы. Он ничего не исследовал. Он рассказывал истории про себя, иногда про других.

Когда у меня был класс, я говорил ребятам, что можно рассказать "Евгения Онегина" как историю. Как молодой человек приехал в деревню, встретил девушку. Когда он приходит к Татьяне, там сказано: "Минуты две они молчали". Вот она вышла в сад, он идет по дорожке, и минуты две они стояли - что это? Это почему? Это как? Самый главный вопрос в "Евгении Онегине" - "Кто он?", этот вопрос детям не задают. А ведь вся книга написана с тем, чтобы ответить на вопрос, на который ответить нельзя.

Петербургский учитель Евгений Ильин говорит, что на уроке литературы надо задавать детям только те вопросы, на которые учитель не знает ответа. Физика и химия должны находить ответы, но и то, когда они добираются до самой глубины, с ответами становится туга. Там, в глубинах физики, и здесь, на вершинах литературы, совершенно одно и то же положение. Нет ответа.

Про все на свете можно отвечать только таким образом: и есть, и нет. Как только мы разрываем это единство, мы впадаем в какую-то чушь. Сейчас у нас в стране такое движение, что на каждом шагу не то что хорошее рядом с плохим или плохое рядом с ужасным, а все это в одном толчке жизни. И когда это чувствуешь - больше понимаешь.

- А почему вы публикуете "Проповеди" без подписи?

- Хорошо, чтобы такие вещи были от какого-то человека. В проповеди должно быть что-то несомненное. Какая-то почва. Иначе это будет просто мое мнение. Мы живем в бытовом слове, а наша затея с

проповедями была в том, чтобы дать что-то надбытовое.

Можно было сделать их так, чтобы класс улыбнулся, рассмеялся, и они бы пользовались тогда гораздо большим успехом, но есть темы веселые, а есть серьезные. Я решил писать серьезно и по возможности просто. Но не примитивно. Секрет-то простоты не в том, что ты не говоришь о сложном, а в том, что ты все время додумываешься до простоты. Простота - это уже итог, сумма усилий. Судя по письмам в "Первое сентября", "Пушкинские проповеди" лучше всего слушают в девятом классе.

- Что сейчас с Пушкиным в школе? Его все "проходят"?

- Беда, как со всей литературой. Сколько темных ребят у нас! Идешь по улице, а света в глазах не встречаешь. И тогда я с ужасом думаю: он же десять лет сидел в классе, выходил к доске изо дня в день, учителя перед ним менялись, говорил на какие темы! Алкалоиды, галактики, походы Тамерлана... Все это через него прошло, а вот света просвещения в глазах не получилось.

- Может быть, не хватило какой-то одной, но очень важной вещи? Впрочем не подарили такой вот томик Пушкина, какой вам подарил отец...

- Отец был счастливым человеком. В семье, где я рос, никто не навязывался друг другу, как будто и нету... Но все появлялись в самый тот момент, когда нужно. Однажды отец подарил мне хитрый такой кошелек, в нем оказался тайный кармашек. Когда мне вдруг остро понадобились деньги, я нашел этот кармашек, и в нем - сто рублей. Отец их туда положил, когда дарил, но ничего не сказал. И дети у меня такие же выросли, спасают меня. Вдруг появляются и спасают.

Дмитрий ШЕВАРОВ.

"Еще раз вслушаемся: "Сердце страстное пленилось..." - попало в плен... Если вы попали в плен, если вы влюбились - не относитесь к этому слишком серьезно, не превращайте веселую влюбленность в трагедию... Влюбляются по многу раз, особенно в юности, а любят - один раз в жизни. Влюбляются просто потому, что случайно попала в сердце стрела Купидона, а любят - потому что встретился самый прекрасный, единственный на всем свете человек. Тогда это будет не плен, а свобода..."

Из проповеди "О Купидоне" (газета "Первое сентября", 07.03.95 г.)